

Е. Г. Власова
УРАЛ В ГАЗЕТНОМ ТРАВЕЛОГЕ С. А. КЕЛЬЦЕВА

УДК 82(470.5)

ББК 83.3(235.55)53

В статье анализируются уральские очерки московского журналиста С. А. Кельцева (1858 (?) — после 1917), ставшего во второй половине XIX в. одним из создателей новой разновидности отечественного травелога, которую мы назвали «газетный травелог». Как показало исследование, журнализм газетного травелога был связан с изменением не только контента (доминирование актуальной социально-экономической информации и появление рекомендательности), но и характера конструктивных элементов текста, в частности приемов создания образа пространства, опирающихся на детализацию репортажного описания. Выявленные характеристики позволили по-новому представить образ уральского пространства. В газетном травелоге Кельцева образ Урала приобретает фотографическую актуальность, восходящую к репортажным установкам автора. Уральское пространство как никогда раньше наполняется образами текущей социально-экономической жизни, а также обретает новую динамику, связанную с органичным соединением репортажной стилистики и новых скоростей механических (пароход, поезд) видов транспорта, которые начали развиваться на Урале во второй половине XIX в. В целом, газетный травелог Кельцева вошел в ряд путевых отчетов, отразивших новый этап литературного освоения Урала, когда произошло преодоление традиции его изображения в качестве маргинальной территории, удручающая современность которой служила бледным напоминанием о большой и яркой истории. Безусловно, перелом совершали более крупные персоны — Вас. И. Немирович-Данченко и Д. Н. Мамин-Сибиряк. Однако массовый газетный травелог следовал параллельным курсом, что демонстрирует общность процессов, начавшихся в середине XIX в. и связанных с ростом влияния газеты на общественно-политическую и литературную жизнь страны.

Ключевые слова: *газетный травелог, уральский травелог XIX в., журнализм, репортаж, образ Урала, Вас. И. Немирович-Данченко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, С. А. Кельцев*

Сергей Андреевич Кельцев (1858 (?) — после 1917) вошел в историю России как публицист, общественный и политический деятель, один из активных участников монархического движения.¹ Становление политической

¹ С. А. Кельцев родился в городе Спаске Рязанской губернии в семье чиновника. Получил духовное образование, поступил в Московский университет, но курса не окончил из-за ранней женитьбы. Работал в Московском губернском правлении, параллельно сотрудничая в газетах. В 1880–1890 гг. Кельцев вел активную общественную деятельность. Участвовал в работе целого ряда общественных и патриотических организаций: Общества спасания на водах, Общества распространения полезных книг, Красного Креста, Общества призрения слепых детей, Палестинского общества, Добровольной народной охраны, Общества хоругвеносцев при Успенском соборе Кремля, Сергиевского Общества хоругвеносцев в Богородске и др. Известно также, что он являлся деятельным сотрудником тайной монархической организации «Священ-

карьеру Кельцева было тесно связано с журналистикой. В 1878 г. Кельцев, будучи чиновником Московского губернского правления в Сергиевом Посаде, начинает сотрудничество с московскими газетами, в числе которых оказываются «Московские ведомости» М. Н. Каткова. Здесь он сближается с окружением московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова и наконец становится его пресс-секретарем. «Мое золотое перо, подаренное Катковым»,² — так говорил о нем Долгоруков. Продолжая работать у Каткова, Кельцев возглавляет московский отдел газеты. В 1891 г. после отставки и смерти

ная дружина» (1881–1883), которая главной своей задачей считала охрану императора Александра III и членов императорской семьи. В 1913 г. Кельцев начинает свою деятельность в Союзе русского народа (СРН) и стремительно входит в число лидеров монархического движения. Уже в 1914 г. возглавляет Московский Кремлевский отдел СРН, избирается председателем Русского монархического союза (РМС), а в 1915 г. — членом Совета монархических съездов. После февральской революции 1917 г. объявляет о своей лояльности новой власти и отходе от политической деятельности. С июня 1917 г. его судьба неизвестна (см.: Черная сотня: ист. энцикл. 1900–1917. М., 2008. С. 246–248).

² Черная сотня. С. 247.

Власова Елена Георгиевна — к.филол.н., доцент, Пермский государственный университет (г. Пермь).
E-mail: elena_vlasova@list.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта № 15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII — начала XX вв.»

Долгорукова Кельцев уходит из «Московских ведомостей» и возвращается на службу чиновника. В дальнейшем, став председателем Русского монархического союза, он вновь обращается к журналистике. В 1916 г. он издает журнал «Коренник», который выходит до февраля 1917 г.

В журналистской биографии Кельцева было событие, связавшее его с Уралом. В 1887 г. он оказался в свите великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича во время их поездки на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку,³ состоявшуюся в Екатеринбурге. По итогам поездки Кельцев опубликовал в газетах «Московские ведомости» и «Правительственный вестник» серию путевых материалов. Публикации эти нельзя назвать собственно политическими: в них нет ярких публицистических отступлений или программных заявлений. Самые официальные из них представляют собой подробный репортаж об основных событиях путешествия, в том числе о горячей встрече высоких гостей по маршруту их следования. Другие же материалы и совсем не содержат упоминаний о великих князьях: это обычные путевые заметки журналиста, посетившего Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку.

Уже в 1888 г. все путевые отчеты Кельцева были собраны в отдельном издании «Из поездки на Урал».⁴ Практика книжной републикации газетных и журнальных материалов, в том числе путевых, была достаточно распространенной. Однако не все издания отличались подобной оперативностью. Например, книга В. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» вышла через 13 лет после первых журнальных публикаций.⁵ В случае с материала-

ми Кельцева скорое появление отдельного издания легко объясняется высоким статусом путешественников. Но дело не только в этом. Поездка великих князей была приурочена к конкретному событию, что меняло коммуникативную направленность путевого отчета. В соответствии с законами журналистской практики публикация не должна была терять хронологическую связь с информационным поводом.

До этого времени большинство литературных поездок на Урал носило попутный или общий ознакомительный характер: это были ссылки, а также деловые и частные, чаще всего транзитные, поездки. Ситуация начала меняться в конце 1870-х — начале 1880-х гг. В это время благодаря журнальным публикациям В. И. Немировича-Данченко и газетным очеркам Д. Н. Мамина-Сибиряка открылся собственно журналистский этап уральского травелога, и связан он был с переосмыслением современности в перспективе создания образа Урала. Писательский путевой очерк первой половины XIX в., представленный именами Ф. Ф. Вигеля, П. И. Мельникова-Печерского, А. И. Герцена, П. И. Небольсина, сформировал традицию критического отношения к современной жизни Урала, в образе которого доминировали темы провинциальной серости общественной жизни и тяжести горнозаводского труда. Слом этой негативной традиции был намечен в путевых очерках Немировича-Данченко. Как отмечает В. В. Абашев, писатель разглядел в тяжелом горнозаводском производстве «художественное целое»⁶ Урала, тем самым связав уральскую современность с глубинными смыслами местного ландшафта.⁷ Мамин-Сибиряк сделал эту задачу основой своего публицистического и художественного творчества. В путевых очерках начала 1880-х гг. писатель актуализировал современность как неотъемлемую часть уральского пространства. Новаторские изменения произошли и в жанрово-стилевой ткани маминской очеркистики. Его уральские травелоги неожиданно для путевого очерка тех лет начинают включать журналистские рассказы о текущих событиях местной жизни,

³ Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка стала одним из самых значительных региональных смотров науки, промышленности и художественного творчества последней трети XIX в. В ней приняли участие около 4 000 экспонентов из 32 губерний Российской империи. Почетным президентом выставки с разрешения императора Александра III стал великий князь Михаил Николаевич, который участвовал в открытии выставки 14 июня 1887 г. (см.: Корепанова С. А. У истоков традиции. К 120-летию Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки // Наука. Общество. Человек: Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2007. № 3 (21). С. 3–9). В поездке на Урал его сопровождал восьмилетний сын Сергей. Выставка имела статус важного государственного события и призвана была подчеркнуть особую роль Урала в процессе укрепления российской государственности на востоке страны.

⁴ Кельцев С. А. Из поездки на Урал. М., 1888. 346 с.

⁵ Публикация уральских очерков В. И. Немировича-Данченко, побывавшего на Урале в 1875 г., продолжалась с 1877 по 1884 год в журналах «Дело», «Русская речь», «Исторический вестник». Книга «Кама и Урал», собравшая эти публикации

под одной обложкой, была издана в 1890 г. (Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: (очерки и впечатления). СПб., 1890. 750, IV с.)

⁶ Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. С. 738.

⁷ Абашев В. В. К истории геоэтики Урала: очерки Вас. Ив. Немировича-Данченко // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. Екатеринбург, 2010. С. 192–200.

как это было, например, с оценкой съезда горнопромышленников или увольнения управляющего на Нижнетагильском заводе в цикле очерков «От Урала до Москвы».⁸ Очевидно, опыт газетной работы позволил начинающему журналисту быть независимым от канонов большого писательского очерка, который, по верному замечанию В. А. Михайлова, несмотря на сочетание собственно литературного начала с географическими и этнографическими описаниями, тяготел к преобладанию субъективности и беллетристики над публицистичностью.⁹

Главное отличие газетного травелога Кельцева как от писательского очерка первой половины XIX в., так и от журналистских очерков Немировича-Данченко и Мамина-Сибиряка заключалось в его непосредственной привязке к информационному поводу. В этом смысле путевые отчеты Кельцева могут выступать ярким примером формирования нового типа отечественного травелога, который определялся тесной связью с оперативной журналистской практикой.

И здесь принципиально важным становится разговор о формировании журналистики как профессии, журналиста — как особого типа литератора и, в целом, журнализма как специфического вида деятельности. Эти процессы значительно активизировались благодаря развитию газетного дела. Массовые ежедневные газеты, начало интенсивного издания которых приходится на вторую половину 1850-х гг.,¹⁰ принципиальным образом изменили журналистский контент и его жанрово-стилистические рамки.

Знаменитый исследователь средств коммуникации Г. М. Маклюэн в работе «Понимание медиа» писал, что, в отличие от книги, основанной на единстве и «равнотональности» авторской позиции, пресса, «напротив, всегда стремилась использовать мозаичную форму газеты для представления прерывного разно-

образия и разногласия обыденной жизни».¹¹ Если обратиться к актуальным определениям журнализма, который понимается как «деятельность, связанная с созданием и оперативным распространением информации в ритмизированной, дискретной форме»,¹² то следует признать, что появление газет ускорило формирование журналистики как специфической деятельности в современном ее качестве.

Травелоги Кельцева, написанные для «Московских ведомостей» и «Правительственного вестника», ориентировались на актуальные газетные жанры. Книга, собравшая их, представляет три раздела, каждый из которых имеет собственную содержательную и жанровую специфику. Первый раздел включает официальный репортаж о путешествии великих князей на Сибирско-Уральскую выставку, второй — очерковые заметки о той же поездке на Урал, третий — подробное описание всех отделов выставки, тяготеющее к жанру информационно-аналитического отчета.¹³ Собранные под одной обложкой публикации позволяют увидеть общность жанрово-стилистических установок, определивших новые тенденции в развитии отечественного травелога. Становится очевидным, что репортажная фиксация путешествия великих князей из первого цикла материалов имеет много общего с «очерковой» частью книги: сказывается одна и та же установка на оперативную информацию. Представленные в очерковом разделе «От Москвы до Екатеринбурга» издания заметки и являются предметом нашего рассмотрения, поскольку служат выразительным примером трансформации традиционного путевого очерка в формате газеты.

Основное изменение, происшедшее в газетном травелоге, определяется новым отношением к пространству путешествия. Теперь оно формируется не только из пейзажных зарисовок, исторических сведений и обобщенного портрета местного общества, как чаще всего это было в писательском очерке начала XIX в., но и из актуальных событий.

⁸ Очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» публиковались в газете «Русские ведомости» в 1881–1882 гг.

⁹ См.: Михайлов В. А. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. С. 80.

¹⁰ В свою очередь, рост числа и тиража газет определялся целым рядом изменений в общественно-политической жизни страны: освобождением крестьян, капитализацией жизни, резким ростом численности городского населения, введением новых цензурных правил, позволяющих столичным ежедневным газетам выходить без предварительной цензуры (1865), разрешением на печать коммерческих объявлений для всех газет (1862), появлением телеграфных агентств и т. д.

¹¹ Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003. С. 235.

¹² Свитич Л. Г. Феномен журнализма. М., 2000. С. 5.

¹³ Первая часть книги «Путешествие их Императорских высочеств великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича» была составлена на основе публикаций в «Правительственном вестнике», вторая часть «От Москвы до Екатеринбурга: из путевых заметок» — на основе публикаций в «Московских ведомостях». Третья часть «Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка (обзор на ходу)» была добавлена в книгу специально.

Заметно, что бэкграунд автора путевых заметок «От Москвы до Екатеринбурга» определяется текущим журналистским контекстом. Особенно это сказывается при описании речного этапа пути, который не стал предметом историко-краеведческой подготовки, в отличие от горнозаводской части маршрута, послужившей основной целью путешествия. Так, например, Кельцев не остановился на описании Чертова городища под Елабугой, знакового для истории освоения Прикамья, но обстоятельно прокомментировал успехи традиционной Лаишевской железной ярмарки и случившийся неурожай хлеба:

Повышение ли пошлин на заграничные металлы, или были другие какие-либо причины, но Лаишевская ярмарка, как известно мне (здесь и далее курсив наш. — Е. В.), была очень удачна: спрос на железо значительно превзошел прошлогодний. В Лаишеве продано 1 1/2 миллиона пудов разного железа, так что еще заранее известно было, а затем, как узнал я при обратном проезде, и оправдалось, что многие партии железа, вследствие успешного исхода Лаишевской ярмарки, совсем не могли попасть на Нижегородскую ярмарку, а прямо из Лаишева отправлялись покупателями по назначению. <...>

Во всей этой местности, а также и в соседних уездах от крестьянства слышались часто в июне жалобы, что «прогневался на них Бог — наслал град и гадину, пожирающую хлеб». Градом выбито было в мае и первой половине июня хлеба в Казанской губернии до 4 300 дес., на сумму 80 000 руб.; кроме того, яровые хлеба сильно пострадали в Лаишевском, Чистопольском и Свияжском уездах от жучков, червей и других вредных насекомых; в сложности от насекомых погибло более 3 000 десятин.¹⁴

В этих фрагментах ярко проявляется профессиональная включенность автора в новостную повестку региона. На первый план выходит текущая, связанная с повседневной жизнью проблематика. Так, описание хозяйственного положения Перми Кельцев начинает с заострения проблемы местного водоснабжения:

Другой важный недостаток города, имеющего со слободами 24 000 жителей и около 1 700 домов и владений казенных и частных, — отсутствие хорошей воды: камская вода дает сильно желтоватый глинисто-органический отстой, и ее пьют лишь за неимением другой, лучшей воды. О водопроводе в Перми возбуждалась речь несколько лет назад, но дело это в исполне-

ние почему-то не приводится. В этом отношении значительно меньший уездный прикамский городок Елабуга перецеоголял Пермь: в Елабуге, благодаря гг. Стахеевым, водоснабжение горожан, тоже пользовавшихся прежде, по необходимости, желтою камскою водою, теперь в примерном состоянии: водопровод дает отличную по качеству воду, в семи пунктах города устроены громадные резервуары — бассейны для разбора воды и по пути водопроводных труб сделаны отводы — краны на случай пожара.¹⁵

По содержанию и форме этот фрагмент является типичной журналистской аналитикой, которая строится на точности фактов, прагматичности анализа, нацеленного на прогноз по изменению ситуации.

В то же время влияние журнализма оказывается не менее существенным на уровне текстовой структуры травелога. Оно коснулось и композиционных особенностей (одной из самых заметных среди них становится нелинейная смена ракурсов описания, дискретность движения), и авторской позиции (журналистская установка на диалог с читателем, самопрезентация в качестве журналиста), и характера построения образа пространства, на котором мы остановимся подробнее.

Важнейшее, на наш взгляд, качество, появившееся в травелоге благодаря попаданию в газету, связано с особым взглядом на реальность. Газета меняет «оптику наблюдения» — от обзорно-обобщающего «журнального» взгляда к быстрой фиксации фактической информации, представляющей актуальную повседневность. Безусловно, подобная репортажность снижает обобщающий потенциал травелога, однако она играет важную роль в поиске специфического языка путевого описания, документального по своей природе.¹⁶ Это изменение можно сравнить с отличием фотографии от живописи: оно создает иллюзию объективного отражения.

Остановимся на характеристике репортажных элементов газетного травелога. Для репортажного описания, прежде всего, характерны перечислительность и номинативность.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Симптоматично, что первые яркие образцы репортажного жанра, развитие которого самым непосредственным образом связано с ростом числа и тиража газет и появлением телеграфа как основных каналов оперативного распространения информации, напрямую отсылают к путешествиям. Примером такого взаимовлияния репортажа и травелога может служить знаменитое путешествие репортера Генри Мортон Стенли, организованное газетой «Нью-Йорк Герольд» в 1871 г. для поиска пропавшей экспедиции Давида Ливингстона.

¹⁴ Кельцев С. А. Указ. соч. С. 17, 18.

Образ реальности складывается не за счет яркого сравнения или авторской метафоры, а путем перечисления видимых объектов. Подобная фотографическая точность, тем не менее, не лишена оценочности. Особое мастерство автора газетного травелога заключается в умении построить выразительный ряд реалий, фигуративность которых проявляет основные смыслы окружающего ландшафта. Так, например, описывая береговую линию Перми со стороны Камы, Кельцев дает емкую характеристику геокультурного образа города в целом.

Под Пермью Кама ... верст 10–15 идет прямым широким руслом, и так как вечер был очень светлый, то на таком расстоянии стала видна Пермь, расположенная на высоком левом берегу. Пароходостроительные заводы Любимова и Каменских «на заимке» под самым городом, у обширной пристани, громадный казенный пушечный завод на Мотовилихе, в трех верстах за городом на берегу Камы под высокой горой, и возвышающийся на самом берегу на пригорке, против пароходной пристани, вокзал Уральско-Горнозаводской дороги как бы напоминали нам при расставании с пароходом, что Пермь сама по себе хороший губернский город, но главное его значение то, что она преддверие Урала.¹⁷

Четкость конфигурации главных объектов прибрежного ландшафта позволяет сформировать наглядный и семиотически точный образ города как преддверия горнозаводского Урала. Кельцев демонстрирует искусство словесной фотографии, где фактическая точность изображения в сочетании с правильно выстроенными ракурсом и композицией создают необходимый эмоционально-когнитивный эффект.

Не случайно в отборе подробностей и в тесноте ритма современный журналист Д. Соколов-Митрич видит особую поэтичность репортажа: «Когда вы начинаете писать, из деталей, как из пазлов, складывается не только текст, но и суть события. И сложиться она может, как и любой пазл, единственно правильным образом. Потому что деталь — это мысль репортажа и его рифма».¹⁸ Перечислительность задает ритм репортажа, в котором точно подмеченные подробности играют роль рифмы или смыслового акцента.

Установка газетного травелога на актуальный журналистский контент и репортажность

стилевой манеры достигли оптимальной выразительности при описании путешествия по железной дороге. Железная дорога становится в травелоге Кельцева не просто главным объектом описания, но одним из важнейших дискурсивных факторов, определивших особенности сюжетного и стилистического построения текста.

Интерес к железной дороге как самостоятельному объекту описания Кельцев подчеркивает специально:

Уральская Горнозаводская железная дорога, прорезающая местности замечательные как по живописности, так и по богатству горными заводами и драгоценными металлами, малоизвестна путешественникам Европейской России, и краткие заметки о ней Е. П. Янишевского, бывшего прежде профессором Казанского университета, а ныне занимающего должность председателя Пермской контрольной палаты, помещенные в его путевых впечатлениях о поездке, совершенной прошлым летом в Верхотурский край, являются единственным в литературе материалом об этой дороге. <...> Между тем вряд ли есть в России дорога <...> которая представляла бы столько интереса для любителя природы своими местными красотами и теми трудностями, которые нужно было преодолеть строителям при переходе чрез главный хребет Урала, говорит Е. П. Янишевский.¹⁹

Журналистский характер заметок о путешествии по железной дороге проявляется, например, в установке на практическую полезность. Так, описание станции Нижний Тагил Кельцев начинает с упоминания о буфете и времени стоянки поезда:

Это главная между Пермью и Екатеринбургом станция и по красоте и обширности, и по продолжительности остановки поезда, который стоит на ней 20–25 минут. Здесь и главный на линии буфет, а второклассные, но тоже недурные буфеты есть еще в Чусовой, Бисере и Кушве.²⁰

В современных СМИ рекомендательная функция журналистского контента нашла отражение в формате, получившем название «лайфхак», — своего рода инструкции по применению. Формат этот активно используется в разных сферах журналистской практики, в том числе в трэвел-журналистике. Газетный травелог второй половины XIX в. демонстрирует первые подходы к реализации

¹⁷ Кельцев С. А. Указ. соч. С. 25.

¹⁸ Соколов-Митрич Д. В. Реальный репортер. Почему нас это не учат на журфаке!? СПб., 2014. С. 65.

¹⁹ Кельцев С. А. Указ. соч. С. 39.

²⁰ Там же. С. 59.

рекомендательно-прикладной функции трэвел-журналистики.

Репортажный прицел газетчика, сосредоточенного на точной фиксации происходящего, позволяет внимательно описать новое состояние движения по железной дороге. Для сидящего в купе пассажира, не привыкшего к быстрой смене картинки за окном и поэтому теряющего немалую часть зрительных впечатлений, коммуникация с пространством путешествия концентрируется на кинестетических ощущениях.

В этой связи травелог Кельцева можно считать одним из основополагающих текстов уральского железнодорожного дискурса, сложившегося в конце XIX — начале XX в. Описание движения по железной дороге, сделанное в его путевом отчете, фиксирует новые ощущения пассажира вагона. В отличие от парохода, железная дорога заставляет физически почувствовать пространство. Восприятие пространства у путешествующих по железной дороге опосредовано ощущением скорости. Интенсивность ее переживания в уральских железнодорожных путешествиях усиливается благодаря горному характеру рельефа, постоянные повороты подчеркивают динамичность движения: «Но вот поезд от горного отрога круто завернул по покатоности к мосту, “закрытых парах” не более чем в полминуты пролетел сквозь решетчатые предохранительные стены казавшегося далеко моста и, повернув еще круче вправо, остановился у самой большой на Уральской дороге станции Чусовой...»²¹

Повышенная динамика движения изменяет характер зрительного восприятия. Оптика железнодорожного наблюдения отличается быстрой сменой ракурсов обзора и световых ощущений. Направленность зрения вынужденно меняется: то это взгляд вверх, к вершине подступившей горы, то вниз — в овраги и пропасти, то вдаль — на открытое пространство.

За станцией Сылва около железной дороги *по пригоркам и холмам* много лесу, но что это за лес: деревья высокие худосочные и чрезвычайно тонкие, всего в 2-3 вершка в диаметре почти у самого корня, с рассеянными на них белыми и зелеными мхами. <...> При каждой буре деревья сильно валятся, и поэтому *в оврагах видны массы «бурелома», «валежника»,* что и дало название следующей за Сылвою станции Валежная <...> Особенно

хорош летний вид в окрестностях Валежной: здесь встретилась *цветочная поляна в версту почти шириной.*²²

Свет сменяет темнота тоннеля, а огни приближающейся станции оказываются то с одной стороны поезда, то с другой, усиливая эффект затрудненного зрения.

Между Ермаком и Архиповкой дорога описывает почти полную, неправильную окружность. <...> отъезжая от Ермака, видишь огоньки полустанка сзади, справа от поезда, обходишь гору и минут через пять видишь огни тоже справа, но впереди поезда. «Ужели опять станция?» — слышится среди пассажиров, но поезд, не дойдя сажен 150–200 до огоньков, поворачивает в горный овраг к Архиповке, а приближавшиеся к нему огоньки вновь удаляются. <...> Такой оригинальной кривизны пути, по словам местных инженеров, нет ни на одной железной дороге в России, кроме Уральской.²³

Заметно, что в описанном «круговом» движении взгляда доминирующим становится ракурс, направляющий внимание наблюдателя в глубину уральских недр. Это впечатление усиливается повторяющимися указаниями на крутизну оврагов, близость отвесных каменных стен, «коридорный» характер пути, что заставляет воспринимать движение по уральской железной дороге почти подземным:

Отойдя от станции Чусовой версты две, поезд круто повертывает влево от скалистых уже здесь берегов Чусовой и входит в *глубокий* горный овраг; справа и слева от рельс возвышаются холмистые горные стены, и поезд *идет как бы в коридоре*. <...> Первый на восточном склоне прорыв скалы, через который проходит железная дорога, находится тотчас за станцией Азиатской и тянется более чем на четверть версты: *обломанные стены из глинистого сланца и других каменистых пород возвышаются по бокам вагонов на 8–9 аршин.*²⁴

Фиксируя ощущения кривизны, динамики и тесноты движения, Кельцев предложил новый язык описания уральского ландшафта, язык, в котором визуальность соседствовала с выразительной телесностью. Горное уральское пространство оказывается не только видимым, но и физически ощущаемым.

В целом, газетный травелог Кельцева вошел в ряд путевых отчетов, отразивших новый

²² Там же. С. 43, 44.

²³ Там же. С. 48.

²⁴ Там же. С. 48, 54.

²¹ Кельцев С. А. Указ. соч. С. 44.

этап литературного освоения Урала, когда произошло преодоление традиции его изображения в качестве маргинальной территории, удручающая современность которой служила бледным напоминанием о большой и яркой истории. Безусловно, перелом совершали более крупные персоны — В. И. Немирович-Данченко и Д. Н. Мамин-Сибиряк. Однако массовый газетный травелог активно поддержал эти перемены, что демонстрирует общность процессов, начавшихся в середине XIX в. и связанных с ростом влияния ежедневной периодики на общественную и литературную жизнь страны.

Быстрый рост количества и тиража газет способствовал развитию журналистики как специфической сферы деятельности по формированию и распространению актуальной информации. Вовлеченная в журналистскую сферу литература, для которой газета конца XIX — начала XX в. становится важнейшей публикующей площадкой, испытывает непосредственное влияние нового формата. Еще в 1834 г. Н. В. Гоголь отметил большое значение периодики для современной литературы, выделив особую сферу «журнальной литературы»: «Эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература так же необходима в области наук и художеств, как пути сообще-

ния для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли».²⁵ Газетная литература²⁶ значительно расширила свое влияние и сформировала новые разновидности текстов. Одним из ярких проявлений этого процесса служит массовый газетный травелог второй половины XIX в. Исследование уральских очерков Кельцева позволяет обнаружить характерные особенности нового вида отечественного травелога, связанные с формированием газетной журналистики. Специфика газетного травелога проявилась в изменении не только контента (доминирование актуальной социально-экономической информации и появление рекомендательности), но и характера конструктивных элементов текста, в частности приемов создания образа пространства. В газетном травелоге Кельцева образ Урала приобретает фотографическую актуальность, восходящую к репортажным установкам автора. Уральское пространство как никогда раньше наполняется образами текущей социально-экономической жизни, а также получает новую динамику, связанную с органичным соединением репортажной стилистики и нового ритма движения, который был задан распространением механических видов транспорта, прежде всего, железных дорог.

Elena G. Vlasova

Candidate of Philological Sciences, Perm State University (Russia, Perm)

E-mail: elena_vlasova@list.ru

THE URALS IN S. A. KELTSEV'S NEWSPAPER TRAVELOG

The article analyzed the set of Ural's essays by a Moscow journalist S. A. Keltsev, who became one of the authors of a new version of the Russian travelog of the second half of the 19th century, to which we refer as the "newspaper travelog". As was demonstrated in the study the newspaper travelog journalism meant not just a change of content (with the domination of up-to-date social and economic information and the added recommendatory nature), but also the change of the character of constructive elements of the text, specifically, the technique of creating images of the environment based on a news report detalization. These characteristics allowed to represent the Ural's environment in a new light. In Keltsev's newspaper travelog the image of the Ural acquired photographic quality which went back to a reporter's background of the author. The Ural's environment, as never before, was filled with the images of active social and economic life, and acquired a new dynamism resulting from an organic combination of news report stylistics and new speed of mechanical (steamer, railway engine) transport which appeared in the Ural during the second half of the 19th century. In general the Keltsev's newspaper travelog belonged to a group of travel notes

²⁵ Гоголь Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8: Статьи. С. 156.

²⁶ Обоснование этого понятия представлено в нашей статье: Газетная литература конца XIX — начала XX вв. в провинции: по материалам пермской периодики // I-формат. Журналистика провинции: науч. публицист. альм. Вып. 4. Ставрополь, 2008. С. 134–139.

marking a new stage in the literary development of the Ural, closing the tradition of describing the region as a marginal territory, the gloomy modern appearance of which looked like a poor reminder of its great and vivid history. By all means this transition occurred owing to several larger figures, particularly V. I. Nemirovich-Danchenko and D. N. Mamin-Sibiriyak. However, as was demonstrated in this study, the genre of popular newspaper travelog developed in parallel, which was an evidence of the generality of processes which started in the mid 19th century and were related to the growing influence of newspapers in the social, political and social life of the nation.

Keywords: *newspaper travelog, Ural travelog of the XIX century, journalism, reporting, image of the Urals, V. I. Nemirovich-Danchenko, D. N. Mamin-Sibiriyak, S. A. Keltsev*

REFERENCES

- Abashev V. V. *K istorii geopoetiki Urala: ocherki Vas. Iv. Nemirovicha-Danchenko* [To history of geopoetics of the Urals: V. I. Nemirovich-Danchenko's sketches]. Literatura Urala: istoriya i sovremennost: sb. st. no. 5: Natsionalnye obrazy mira v regionalnoy proektsii — Literature of the Urals: history and present: collection of the articles no. 5: National images of the world in a regional projection. Ekaterinburg, pp. 192–200. (in Russ.).
- Mikhaylov V. *Evolyutsiya zhanra puteshestviya v proizvedeniyakh russkikh pisateley XVIII–XIX v. Diss. kand. filolog. nauk* [Evolution of a genre of travel in works of the Russian writers of the XVIII–XIX century. Dr. philolog. diss.] Volgograd, 1999. 224 p. (in Russ.).
- Maklyuen G. M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding of Media: External expansions of the person.]. Moscow; Zhukovskiy: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole» Publ., 2003. 464 p. (in Russ.).
- Korepanova S. A. *U istokov traditsii. K 120-letiyu Sibirsko-Uralskoy nauchno-promyshlennoy vystavki* [At tradition sources. To the 120 anniversary of the Siberian and Ural scientific and industrial exhibition]. Nauka. Obshchestvo. Chelovek: Vestnik Uralskogo otdeleniya RAS, 2007, no. 3 (21), pp. 3–9. (in Russ.).
- Svitich L. G. *Fenomen zhurnalizma* [Journalism phenomenon]. Moscow: Moscow. gos. Uni., 2000. 252 p. (in Russ.).
- Sokolov-Mitrich D. V. *Realnyy reporter. Pochemu nas etomu ne uchat na zhurfake!?* [Real reporter. Why we to it aren't taught on journalism faculty!?!]. St. Petersburg: Piter Publ., 2014. 254 p. (in Russ.).
- Vlasova E. G. *Gazetnaya literatura kontsa XIX — nachala XX vv. v provintsii: po materialam permskoy periodiki* [Newspaper literature of the end of XIX — the beginning of the XX centuries in the province: on materials of the Perm periodical press]. I-format. Zhurnalistika provintsii. Nauchno-publitsisticheskiy almanakh, no. 4. — I-format. Province journalism. Scientific-journalistic almanac, no 4. Stavropol, 2008, pp. 134–139. (in Russ.).